

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103).
Political Linguistics. 2024. No 1 (103).

УДК 81'23
 ББК Ш100.6

ГРНТИ 16.01.11

Код ВАК 5.9.8

Инь Чан

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, jilinyinchang@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-4476-6926>

Исследования и развитие лингвистики с использованием теории воплощенного познания в Китае

АННОТАЦИЯ. В психологии теория воплощенного познания требует изучать связь между физиологическим опытом и психологическим состоянием человека. Также воплощенное познание стало базовой концепцией исследовательского метода когнитивной науки второго поколения: суть заключается в признании того, что познание основано на сенсомоторной активности тела и его взаимодействии с окружающей средой, необходимо концентрировать внимание на динамическом единстве тела, познания и окружающей среды. С точки зрения лингвистики, язык связан с реальностью за счет когнитивной обработки телесного опыта. В данной статье рассматривается история такой лингвистики воплощенного познания, определяется ее исследовательский статус в ряду когнитивных наук, для чего используется обзор научной литературы по теме и междисциплинарный анализ с приоритетом лингвистических методов, выявляющий причины и когнитивные механизмы определенных явлений русского языка (отражающая психологические состояния эмотивная лексика, интонационные структуры речи, метафоры; иллюстративный материал представлен метафорическими средствами описания эмоции страха). Лингвистика воплощенного познания основана на философском эмпиризме и трех принципах: эмпирическая природа разума, бессознательность познания и метафорическая природа мышления. Важнейшим когнитивно-лингвистическим процессом в свете этого становится «узнавание». Влияние телесного опыта на язык с наибольшей наглядностью демонстрируют метафоры, описывающие физические проявления эмоций, метафоры физического воздействия на предмет, метафоры ориентировки в пространстве. Дальнейшее исследование предполагает скрупулезное рассмотрение всей лексики психологических состояний и метафор, привлечение данных других наук для расширения поля междисциплинарного анализа, сравнительный анализ материала разных языков (например, русского и китайского). Подобные работы особенно важны для лексикографии, культуры речи, преподавания языка как иностранного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистика воплощенного познания, лингвистические исследования, когнитивная лингвистика, когнитивные механизмы, Китай, теория воплощенного познания, эмпирическая философия, психолингвистика, метафоры, когнитивная теория метафоры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Инь Чан, аспирант, Хэйлунцзянский университет; 150080, No.74, Xuefu Road, Nangang District, Harbin City, Heilongjiang province, China; email: jilinyinchang@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Данная статья является поэтапным результатом масштабного проекта «Исследование современной русской когнитивной лингвистики» (номер проекта: 23JJD740001) Ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук Министерства образования Китая.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Инь, Чан. Исследования и развитие лингвистики с использованием теории воплощенного познания в Китае / Инь Чан. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1 (103). — С. 159-170.

Yin Chang

Heilongjiang University, Harbin, China, jilinyinchang@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-4476-6926>

Development of Linguistic Studies Based on the Theory of Embodied Cognition in China

ABSTRACT. In psychology, the theory of embodied cognition requires studying the relationship between physiological experience and the psychological state of a person. Embodied cognition has also become the basic concept of the research method of cognitive science of the second generation: the essence is to recognize that cognition is based on the sensorimotor activity of the body and its interaction with the environment, and that it is necessary to focus on the dynamic unity of the body, cognition and the environment. From the point of view of linguistics, language is connected with reality through the cognitive processing of bodily experience. This article examines the history of such linguistics of embodied cognition, determines its research status in a number of cognitive sciences, for which a review of scientific literature on the topic and interdisciplinary analysis with priority of linguistic methods are used, revealing the causes and cognitive mechanisms of certain phenomena of the Russian language (emotive vocabulary reflecting psychological states, intonation structures of speech, and metaphors; the illustrative material is presented via metaphorical means of describing the emotion of fear). The linguistics of embodied cognition is based on philosophical empiricism and three principles: the empirical nature of reason, the unconsciousness of cognition, and the metaphorical nature of thinking. In light of this, "recognition" becomes the most important

cognitive-linguistic process. The influence of bodily experience on language is most clearly demonstrated by metaphors describing physical manifestations of emotions, metaphors of physical impact on an object, and metaphors of orientation in space. Further research involves thorough examination of the entire vocabulary of psychological states and metaphors, use of data from other sciences to expand the field of interdisciplinary analysis, and comparative analysis of the material of different languages (for example, Russian and Chinese). Such works are especially important for lexicography, speech culture, and teaching a certain language to foreigners.

KEYWORDS: *linguistics of embodied cognition, linguistic studies, cognitive linguistics, cognitive mechanisms, China, theory of embodied cognition, empirical philosophy, psycholinguistics, metaphors, cognitive metaphor theory.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yin Chang, Heilongjiang University, Harbin, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. This article is a phased result of the major project “Research on Contemporary Russian Cognitive Linguistics” (Project No.: 23JJD740001) of the Key Research Base of Humanities and Social Sciences of the Ministry of Education of China.

FOR CITATION: *Yin Chang (2024). Development of Linguistic Studies Based on the Theory of Embodied Cognition in China. In Political Linguistics. No 1 (103), pp. 159-170. (In Russ.).*

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИКИ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ

1.1. Концепция теории воплощенного познания

С 1960-х гг. основным направлением психологических исследований на Западе была когнитивная психология. В ее русле появилось «воплощенное познание» (Embodied cognition), также известное как «воплощение» (Embodiment), — новая область исследований в психологии. Теория воплощенного познания в основном концентрирует внимание на сильной связи между физиологическим опытом и психологическим состоянием [Niedenthal 2005: 184–211]. Первая часть словосочетания «embodied cognition», «embodied» состоит из приставки «em-» и «body», что подразумевает необходимость «заставить тело действовать (участвовать в познании)». Эпитет «воплощенное» подчеркивает именно участие тела, взаимодействующего с окружающей средой (мир) в познавательном процессе. Воплощенное познание — это когнитивный метод, сформулированный после появления когнитивной науки второго поколения. Его основной смысл заключается в том, что познание основано на конкретных структурах тела, сенсорной активности тела и его взаимодействии с окружающей средой. Познание, тело и окружающая среда представляют собой динамическое единство: познание существует в мозге, мозг существует в теле, а тело существует в окружающей среде. Физические переживания «активируют» психологические ощущения, и наоборот [Barsalou 2008: 617–645]. Например, люди улыбаются, когда они счастливы, и если они улыбаются, они, как правило, становятся счастливее. В последние годы воплощенное познание стало популярной темой для исследований в философии, когнитивной психологии, когнитивной лингвистике и других дисциплинах.

Таким образом, концепция воплощенного познания выдвигает на передний план телесный познавательный опыт, при котором к телу относится мозг. Анатомическое строение тела, его движения, ощущения тела и двигательный опыт определяют, как мы понимаем и видим мир. Человеческое познание формируется телом и способами его передвижения. Это не «программное обеспечение для ментального программирования», которое работает на «аппаратном обеспечении тела» и может управлять телом. «Программа исследований воплощенного познания подчеркивает роль, которую тело играет в когнитивном процессе организма». Это полностью отличается от традиционного взгляда когнитивизма, согласно которому тело является лишь рецептором стимуляции и эффектором поведения. Телу отводится ключевая роль и решающее значение в формировании познания, а также повышается роль тела и его деятельности в объяснении познания.

Уилсон Маргарет ясно обосновал, что тело постоянно взаимодействует с окружающим миром. В своей книге «Шесть взглядов на воплощенное познание» он обобщил шесть постулатов процесса «воплощения»: (1) Воплощение коренится в окружающей среде. Когнитивная деятельность происходит в условиях реального мира и по своей сути включает в себя восприятие и действие. (2) Познавательная деятельность находится под давлением времени. Мы — «живые умы», и познание следует понимать с точки зрения того, как оно работает в условиях взаимодействия в реальном времени с окружающей средой. (3) Мы помещаем познавательную работу в окружающую среду. Поскольку наши возможности обработки информации значительно ограничены, мы используем окружающую среду для снижения когнитивной нагрузки. (4) Окружающая среда является неотъемлемой частью когнитивной системы. (5) Познание ведет к действию.

Функция разума — направлять действия, а понимание когнитивных механизмов, таких как восприятие и память, должно привести к соответствующему поведению, которое принесет пользу ситуации. (6) Офлайн-познание основано на теле. Даже если деятельность разума отделена от окружающей среды, она все равно основана на механизме развития взаимодействия с окружающей средой, т. е. на механизме перцептивной обработки и двигательного контроля [Уилсон 2012: 19–28].

1.2. Философия эмбодимента (Embodied philosophy)

С распространением философии «постмодернизма» антропологическим факторам в разных науках уделяется все больше внимания, антропологические идеи объединяются с разными концепциями. Эмпирический антрополого-гуманитарный подход, основанный на эмпирической философии, полностью перевернул объективистскую метафизику в традиционных и современных гуманитарных теориях, а также заставил переосмыслить двустороннее взаимодействие между субъектом и объектом, в том числе с акцентированием факторов, влияющих на язык. Вслед за «Метафорами, которыми мы живем», Лакофф и Джонсон в 1999 г. опубликовали еще одну основополагающую работу — «Философия во плоти: воплощенный разум и его вызов западной мысли», в которой предложили новую обобщающую философскую теорию эмпирической философии (Embodied Philosophy). Базовая идея эмпирической философии заключается в том, что человеческие концепции, рассуждения и сам разум формируются на основе физического опыта взаимодействия с окружающей средой [Wang Yin 2006: 37–43]. Концепции возникают из тела, мозга и опыта, полученного в окружающем мире. Концепции формируются посредством воплощения, особенно через восприятие и возможности движения мышц. Рассуждение тесно связано с особым строением нашего тела и мозга. Взаимодействие человеческого тела, мозга и окружающей среды обеспечивает бессознательную основу для повседневного мышления. Разум фундаментально воплощен не просто потому, что психические процессы должны быть основаны на нейронной активности, но и потому, что наши перцептивные и двигательные системы играют фундаментальную роль в формировании понятий и рациональном рассуждении.

Лакофф и Джонсон считают, что воплощенное познание представляет собой прогрессивную трансформацию когнитивной науки, тем самым предлагая различать когнитивную науку первого и второго поколе-

ний. В книге упоминаются три фундаментальных принципа: «Разум по существу воплощен, мысли в значительной степени бессознательны, абстрактные концепции в значительной степени метафоричны».

Разум по существу воплощен (телесен). Это основополагающий принцип теории воплощенного познания: разум зависит не только от мозга, от всей нервной системы, но и от тела. Разные тела создают разные разумы. Другими словами, разум не может существовать отдельно от тела, он воплощен от начала до конца.

Мышление преимущественно бессознательно. Когнитивная наука уже давно показала, что большая часть нашего мышления не контролируется сознанием. Люди без специальных усилий и формализованных мыслительных процедур делают выводы на основе соответствующего содержания, прогнозируют дальнейшее протекание разговора и т. д. Эти бессознательные процессы невозможно уловить из-за скорости изменения, они редко оказываются в рамках сознания. Когнитивные процессы, такие как слуховая, зрительная и обонятельная перцепция, в организме чаще всего проходят бессознательно, и в каждом случае трудно отследить процесс нервной деятельности. Поскольку люди являются физическими существами, а тело содержит полную и сложную нервную систему, когнитивные действия осуществляются автоматически, без необходимости постоянного контроля со стороны человека.

Абстрактные понятия во многом метафоричны. В рассматриваемой работе Лакофф и Джонсон упомянули, что метафоры встречаются в повседневной жизни повсюду, ими пронизаны язык, мысли и действия человека. Сама концептуальная система, определяющая наши мысли и действия, основана на метафоре. По сути метафора служит тому, чтобы понять и определить наличную вещь через другую. Метафорический способ мышления — это «способ мышления, который использует шаблон формы одного поля опыта для понимания и построения другого, отстоящего поля опыта».

С точки зрения лингвистических исследований, «познавание через призму языка» основано на учете двустороннего взаимодействия между субъектом и объектом и следует исследовательской модели «реальность — познание — язык». Разум и язык отфильтровывают два слоя — реальность и познание, т. е. «воплощенный опыт» и «воплощенная когнитивная обработка», происходящие в действительности, указывают, что язык не может «отражать» внешнюю реальность, как зеркало природы, может лишь

«преломлять» внешнюю реальность и воплощенное познание людей, как искажающее зеркало. Иными словами, язык не может быть изоморфен объективному миру, а представляет собой виртуальную конструкцию. Язык не создается отдельно от практики реальной жизни. Как и активное сознание, порожденное воплощенным опытом, он производится на основе насущных потребностей реального общения. Как продукт практической деятельности, язык не подчинен метафизическому субъекту или абстрактной рациональности априорного «я» и вытекает из него. Он также является не внешним инструментом «абсолютного духа» — абсолютного «я», а подвижным продуктом физического познания людей, живущих в социальной реальности.

2. ЛИНГВИСТИКА ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ (EMBODIED-COGNITIVE LINGUISTICS)

2.1. Основные понятия лингвистики воплощенного познания — «опыт» и «тело»

Известный китайский лингвист Ван Инь в своей книге «Embodied-Cognitive Linguistics» утверждает, что лингвистика воплощенного познания — это появившийся в Китае исследовательский подход когнитивной лингвистики. Это научная отрасль, которая объединяет когнитивную лингвистику и эмпирическую философию. Объединив два новых подхода когнитивной лингвистики к изучению языка, она позволяет по-новому изучить природу «узнавания» языка; термин «тело» в названии фокусируется на «физической практике», подчеркивая значение «интерактивного опыта»; «познание» указывает на «когнитивную обработку», позволяет включить человеческое понимание: субъективную умственную деятельность человека относят к «познанию». Предложенная концепция основана не только на материалистической позиции, согласно которой «материальное определяет сознание», но учитывает и субъективную инициативу человека, синтезируя тем самым объективность и субъективность. Органическое сочетание лингвистических теорий и диалектики может лучше объяснить природу и причины использования языка, а также когнитивные законы мышления человека. Унаследовав от Хомского нацеленность на «исследования разума», но критикуя его «врожденные, универсальные, автономные, модульные, формальные, дедуктивные» и другие позиции, а также решительно защищая метод исследования «воплощенного разума», в результате лингвистика воплощенного познания соответствует

тенденциям постмодернистской философии и продолжает их. В то же время в рассматриваемой теории подчеркивается, что «материя определяет дух» — это материалистическая позиция, а также акцентируются субъективные моменты, связанные с инициативой человека, и воплощается принцип диалектики. Таким образом, объективное и субъективное органично сочетаются, что позволяет лучше объяснить природу языка.

Философской основой лингвистики воплощенного познания является эмпирическая философия, а ее базовое содержание сводится к трем главным принципам: эмпирическая природа разума, бессознательность познания и метафорическая природа мышления. «Лингвистика воплощенного познания, как и когнитивная лингвистика, также является революцией против революции Хомского». На основании этого профессор Ван Инь предложил новый взгляд на «когнитивную природу» языка, призванный объяснить его феномен. Фактологической опорой этого является критика трансцендентального взгляда Соссюра на язык и теории «врожденности» Хомского, а также возвращение материализма в лингвистические теоретические исследования.

Концепция воплощенного языка основана на эмпирической философии и принимает в качестве важного принципа эмпирическую природу разума. Эта природа обуславливает взаимодействие воплощенного опыта и воплощенного познания и органически интегрирует их в «узнавание». Узнавание происходит через производство, развитие и приобретение языка. Прежде всего, значение и форма языка генерируются в результате взаимодействия между людьми и миром. Субъект использует опыт сенсомоторной системы и когнитивную обработку мозга для создания основных когнитивных доменов, небазовых когнитивных доменов и когнитивных матриц предметной области; таким образом создаются различные уровни концептуальных значений и, наконец, формируется соответствующая совокупность значений и форм. Вторых, развитие языка происходит за счет изменений объекта распознавания, улучшения когнитивных способностей субъекта распознавания и их интерактивных потребностей. Наконец, овладение языком основано на распознавании использования языка, включая опыт и распознавание самого языка и содержания языкового выражения.

2.2. Развитие лингвистики воплощенного познания в Китае

В 2014 г. Ван Инь, профессор Сычуаньского университета международных исследований в Китае, опубликовал статью «Лин-

лингвистика воплощенного познания с точки зрения постмодернистской философии». Он обсудил 10 аспектов, таких как неоднозначность терминологии, всесторонность воплощенного познания, основы воплощенного познания, авангардный характер ECL (Embodied-Cognitive Linguistics), преемственность философии языка, единство воплощенного познания, симбиоз языка и философии, развитие ECL, система дисциплин ECL и применимость ECL. Подводя итоги, профессор Ван Инь обсудил необходимость преобразования «когнитивной лингвистики» в «лингвистику воплощенного познания», а также содержание и методы исследования «лингвистики воплощенного познания». Все это показывает, что лингвистика воплощенного познания отличается от когнитивной лингвистики в трактовке таких ученых, как Лаккофф: первая возникла из когнитивной лингвистики, имеет как унаследованные черты, так и оригинальные, а также внесла вклад в построение собственно китайской теории (китайской постлингвистической философии) с индивидуально-характерными особенностями. С тех пор термин «лингвистика воплощенного познания» вошел в академическую среду и получает поддержку и признание со стороны все большего числа ученых. В последние годы профессор Ван Инь продолжает интенсивные исследования в этой области и дает более глубокие разъяснения. Он намерен рассматривать «лингвистику воплощенного познания» как локализованный вариант зарубежной когнитивной лингвистики для разработки новых теорий.

Профессор Ван Инь, исходя из теоретической направленности «языкового познания», так определил сущность и задачи «лингвистики воплощенного познания»: «основываясь на главных принципах и методах зарубежных исследований, опыте философии и лингвистики воплощенного познания, отстаивая материалистическую природу языка и гуманитарный ключ исследований, рассматривать факты через призму взаимодействия в системе „реальности — познания — языка“, а метакогнитивный механизм „тела (интерактивного опыта)“ и „познания (когнитивной обработки)“ использовать для единообразного анализа и объяснения всех уровней языка в русле междисциплинарной лингвистической теории, которая постепенно формируется». В марте 2022 г. профессор Ван Инь опубликовал статью «От экспериментальной философии к реалистической философии — еще раз о наследовании традиции и развитии в когнитивной лингвистике в связи с лингвистикой воплощенного познания». Определение и задачи научной области были

снова пересмотрены: «на основе марксистско-ленинской теории, диалектического материализма, философии языка, философии опыта, философии постмодерна и т. д., придерживаясь материализма и антропоцентрического духа языковых исследований, конструировать основные принципы взаимодействия „реальности — познания — языка“, опираясь на метакогнитивные механизмы „тела (интерактивный опыт)“ и „познания (когнитивная обработка)“, чтобы объединить анализ и объяснение всех аспектов языка, постепенно формируя зарождающуюся междисциплинарную лингвистическую теорию». Из регулярно пересматриваемых определений нетрудно увидеть, что, хотя локализованная лингвистика воплощенного познания возникла из западной когнитивной лингвистики, она постепенно развилась в лингвокогнитивные исследования с китайской спецификой.

Кроме того, многие китайские ученые внесли вклад в развитие лингвистики воплощенного познания и провели с опорой на нее междисциплинарные исследования по когнитивной лингвистике и другим дисциплинам. Например, в 2021 г. известный китайский ученый Ху Чжунлинь изучил, оценил и развил взгляды, изложенные профессором Ван Инем в «Лингвистике воплощенного познания», с точки зрения системной функциональной лингвистики, и предложил следующие соотношения с текущими исследованиями по теории языка: во-первых, системная функциональная лингвистика и когнитивная лингвистика являются «попутчиками» в исследованиях по современной теории языка; во-вторых, материалистический подход к понятию узнавания должен базироваться на аспекте «Я осознаю себя». «Локализация» в области исследований теории языка должна не только представлять собой «комбинацию китайских и западных методов и использовать иноязычный материал для науки в Китае», но также стремиться к «комбинации китайских и западных методов и использованию китайского материала для науки зарубежных стран»; в-четвертых, постулатом должно считаться, что использование метафор — не только стремление к риторической красоте, а проявление мышления разных людей, что в большей степени отвечает объективным требованиям развития языка; в-пятых, для осознания практического значения теории лингвистики воплощенного познания еще предстоит углубить формат точного определения каждой ментальной категории, способа выражения и взаимоотношений между ними. Ученый выделил исследовательские характеристики структурной лингвистики, системной функ-

циональной лингвистики и трансформационной, генеративной лингвистики.

Структурная лингвистика: систематическая, символическая, произвольная.

Системная, функциональная лингвистика: социальная, коммуникативная, функциональная.

Трансформативная, генеративная лингвистика: врожденность, менталитет, генеративность.

Лингвистика воплощенного познания, или когнитивная лингвистика: опыт, человеческая природа, познание.

Исследователь пришел к выводу: между системной, функциональной и когнитивной лингвистикой сложились отношения «попутчиков», основанные на внимании к таким категориям, как «социальность» и «коммуникативность» (функциональная лингвистика), неотделимых от «человеческой природы» и «познания».

3. АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИКИ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ

«Словарный запас языка возникает из человеческого опыта и может использоваться не только для объяснения формирования слов, выражающих реальные вещи, но также для объяснения образования слов, выражающих психические состояния» [Wang Yin 2022: 283]. Благодатную почву для наблюдений в аспекте лингвистики воплощенного познания дает лексика, связанная с выражением эмоций. Ева Свитсер (Sweetser) указывала, что физический опыт является источником лексикализованных психических состояний [Sweetser 1990: 30–45]. В основном она изучала модальные глаголы в английском языке и обнаружила, что большинство этих слов содержит такие значения, как «хочу, могу и обязан», и относятся по семантике к тому, что «на самом деле не существует» и «имеет только потенциальные возможности». В процессе грамматикализации эти слова также претерпели процесс усвоения опыта и метафоризации, их семантика развилась и усовершенствовалась от фиксации «физической силы» до «социальной, модальной и моральной силы». Другими словами, модальные глаголы обладают «модальной силой», которая существует только в умственной сфере деятельности людей. Например, первоначальное значение слова *may* — *быть сильным*, оно имеет то же происхождение, что и *main* (*физическая сила*); например, словосочетание *may and main* означает «выкладываться изо всех сил». Метафорически оно изменилось с обозначения «физической силы» на «социальную силу» и, следовательно, приобрело зна-

чение «обещания» [см.: Johnson 1987: 53; Sweetser 1990: 49–75; Taylor 2002: 407].

Лакофф обсудил десятки выражений гнева в английском языке и предположил, что все они тесно связаны с физиологическим феноменом гнева. Такие слова используются метафорически, а не выбираются случайно. Автор так же проанализировал различные выражения гнева в китайском языке. Все они основаны на физиологическом состоянии человека и осознании объективных явлений. Иными словами, существует очевидная знаковая связь между такими выражениями и объективной реальностью.

Например, с точки зрения физиологических явлений при гневном лице краснеет, шея становится толстой, учащается сердцебиение, повышается артериальное давление, эмоция возрастает и человек может даже потерять контроль над своими эмоциями, а то и затуманивается зрение, теряется контроль над движениями, человек теряет сознание, идет пена изо рта, происходит умопомрачение и т. д. С другой стороны, с точки зрения языкового выражения можно отметить такие интонационно-речевые особенности манифестации эмоции, как выделяющаяся на обычном фоне манера разговора, убыстренный темп речи, патетичный, страстный тон, игнорирование этикета, вульгарная лексика, алогизмы, а иногда и слишком сильная злость, не позволяющая говорить, и т. д.

Помимо прочих, целесообразно в названном аспекте рассмотреть лексику «страх» как обозначающую одну из основных человеческих эмоций (куда входят «радость, гнев, печаль и страх»).

Страх в «Современном китайском словаре» (седьмое издание) трактуется как «паника» [2016: 748]. В «Большом русско-китайском словаре новой эпохи» приводится значение «боязнь, беспокойство» [2014: 6266], определение в «Толковом словаре» С. Ожегова следующее: «Очень сильный испуг, сильная боязнь. (Чрезвычайно сильный испуг, сильный страх)» [Ожегов 2015: 618]. Металингвистическое определение лексики «страх» в «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка» такое: «Страх X-а, что Это состояние Y=X боится Y, и если это состояние продолжит усиливаться, то это приведет к тому, что X потеряет самообладание» [Мельчук, Жолковский 2016: 806]. С точки зрения этимологии следует отметить, что западноевропейские лингвисты XIX–XX веков, такие как А. Вайан, М. Фасмер, А. С. Шишков, А. Г. Преображенский, Н. М. Шанский, П. Я. Черных, Г. П. Цыганенко и др. установили этимологическое значение слова «страх» в индоевропейских языках (данные их изысканий обобщены в табл. 1).

Таблица 1

Первоначальное значение корня «страх» в языках индоевропейской языковой семьи

Язык	Слово с индоевропейским корнем	Значение
Немецкий	strecken	Паралич, катаплексия, оцепенение; затвердение
	sorge	Забота, попечительство; беспокойство
Чешский	strach	Забота, попечительство; беспокойство
Литовский	draudžiù	Страх; запрет
	strégti	Обморожение, ооченение, онемение; обморожение, твердость; конденсироваться, затвердевать
Общеславянский	*strachati	Запугивать, наводить страх
	*strog	Суровый; строгий; выпрямлять, выправлять
Латышский	angustus	Печаль; чувство дискомфорта; узость, теснота, ограниченность; сокрушение души
Латынь	stroustit	Запугивание; серьезное предупреждение, заблаговременное предупреждение, напоминание о готовности
	strags, stragis	Разрушать, растрчивать впустую, разбивать; грабить
Праславянский	*nastoržiti	Охранник
Индоевропейский	*(s)treg-	Суровый; сделать прямо

Как видно из таблицы, этимологическое значение корня, к которому восходит русское «страх», в индоевропейских языках шире и относится к большему кругу явлений, чем значение лексемы «страх» в современном русском языке. В таблице выделяются три семантические группы слов, ассоциирующихся с рассматриваемой эмоцией: во-первых, на физическое состояние человека влияет внешняя среда, что приводит к ограничению пространства, вызывая ооченение тела или провоцируя определенное заболевание; во-вторых, жизнь человека и безопасность имущества нарушается из-за воздействия внешних сил; в-третьих, необходимо заранее предотвращать неблагоприятные внешние условия и бороться с неприятными физическими факторами. Все три семантические модели демонстрируют отрицательные физиологические эффекты, вызванные эмоциями «страха», когда, с одной стороны, описывается внешнее состояние человека при столкновении с трудностями или препятствиями, а с другой — отражаются физиологические изменения людей в этом состоянии, то есть из факторов «физической силы» развиваются представления о «социальной, модальной, моральной силе».

В языковых выражениях, описывающих или эксплицирующих эмоции, с одной стороны, изображается физиологическая реакция человека на эмоциональное состояние и физические проявления, симптомы, с другой — метафорические выражения не обязательно

прямо отражают истинную реакцию на эмоциональное состояние, а через понимание, истолкование этого состояния его субъект использует язык для описания или отражения своего воплощенного (телесного) опыта. Итак, во-первых, с точки зрения физиологических явлений к «испуганной» мимике лица относятся «прямой лоб и брови; когда глаза расширены, лоб несколько приподнят или параллельные морщины, брови слегка наморщены; когда глаза расширены, верхние и нижние веки приподняты. Нервозность... рот слегка приоткрыт, губы напряжены, показывая, что рот оттянут назад и плоский, узкий и нитевидный»; физические проявления включают дрожь тела, сердцебиение, одышку, стеснение в груди, потливость, повышенное кровяное давление, а также тошноту, слабость, обмороки и другие реакции на стресс. Во-вторых, с точки зрения языкового выражения и речевых особенностей, страх проявляется в речевых аномалиях, нечетком произнесении слов и в тяжелых случаях может привести к стрессовым реакциям, таким как неврологическая афазия.

Из приведенного выше определения понятия «страх» и описания состояния «страха» видно, что это неконтролируемая психологическая и физическая реакция, в основе которой лежит физиологическое состояние человека и когнитивная обработка объективных явлений. Необходимость выяснения внутренних изменений и внешних проявлений страха у людей обусловлена намерением сопоставить данные психологии и фи-

зиологии с тем, как соответствующие явления выражаются в языке. Эмоция «страх» имеет соответствующие сходные описания в русском и китайском языках.

4. РАСПОЗНАВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ — НА ПРИМЕРЕ «СТРАХА»

Основное положение философии опыта состоит в том, что «понимание тела (включая части тела, органы чувств и т. д.) и пространства (включая местоположение, направление, движение и т. д.), а также понимание их взаимодействия занимают важное место, играют незаменимую роль в формировании нашей концептуальной системы. Исходной точкой координат является альтернативная центральная позиция» [Wang Yin 2022: 71]. В результате мы можем выделить три основных аспекта «узнавания» при использовании метафоры: «восприятие тела», «пространственный опыт» и «способ взаимодействия». Эти три аспекта объясняют конкретный случай «узнавания», то есть «что распознавать» (используя свое тело и мозг), «что распознавать в первую очередь» (сначала идет ощущение жизненного пространства), «каким основным способом распознать» — осуществляется «Реализация» (через взаимодействие субъекта и объекта) [Wang Yin 2022: 71]. С развитием и распространением когнитивной лингвистики и лингвистики воплощенного познания этот алгоритм постепенно принимается учеными на вооружение. В настоящей статье описание психологической лексики начнется с аспекта соматической лингвистики, потом будет кратко представлена модель метафоры, основанная на трех аспектах: «восприятие тела», «пространственный опыт» и «режим взаимодействия».

4.1. Эмоциональная метафора «Страх», основанная на телесном восприятии

В центре внимания лингвистики воплощенного познания оказывается воплощенный (телесный) опыт людей и интерактивное восприятие реального мира, которые затем когнитивно обрабатываются мозгом и принимают языковую форму. Поэтому сначала необходимо остановиться на проблематике «тела». Во-первых, исходя из человеческой субъективности и с точки зрения постмодернистской антропологии, «человек, как субъект когнитивного и языкового формирования, естественно, играет важнейшую роль в процессе их формирования» [Wang Yin 2022: 67]. Именно об этом говорят психологи и лингвисты. Такие утверждения считают проявлением концепции «антропоцентризма». Люди считают себя центром мира и даже вселенной и используют себя в качестве

ориентира, чтобы понять и сформировать уникальную точку зрения, чтобы «определить такие понятия, как „верх и низ, вперед и назад, лево и право, высоко и низко, ближний и дальний, центр и край“» [Wang Yin 2022: 67]. Во-вторых, в силу особенностей физиологического строения мозг человека отличает его от других существ, направляет нас в умственной деятельности и используется человеком как основа для понимания и преобразования мира. В-третьих, исходя из фундаментальной природы распознавания, люди часто черпают опыт из объективного мира и используют его в качестве стандарта для оценки и измерения разных явлений и предметов. Протагор сказал: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Например, в китайском языке слово «зубы» употребляется для описания симметрично волнистых и острых краев определенных вещей, таких как «шестеренки», «зубчики ножа», «зубы пилы» и «зубы расчески». Встречаются и более отдаленные уподобления, такие как «зубатое колесо», «зубцы конька» и др. Приведем пример описания телесного проявления страха:

(1) *В животе у него всё перекатывалось, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью.*

В предложении (1) слова «в животе перекатывалось», «под сердцем веяло холодом», «сердце стучало и замирало» используются для выражения страха. Когда люди боятся, у них возникают физические, неврологические, гормональные и психологические реакции. В состоянии страха настроение людей сильно напряжено, а секреция гормонов надпочечников в организме увеличивается, что приводит к ряду симптомов, таких как учащенное сердцебиение, острые спазмы желудка и озноб.

(2) *При виде разозленного папы мое сердце стремительно застучало.*

В предложении (2) для выражения страха используются сочетания со словом «сердце»: *сердце стучало и замирало, сердце стремительно застучало*. Когда возникает страх, физические проявления у людей включают дискомфорт в области сердца и учащенное сердцебиение. Это происходит главным образом потому, что ведущую роль играет симпатическая нервная система. Когда она под воздействием эмоций возбуждается, это вызывает сужение кровеносных сосудов, в том числе коронарных артерий сердца, что, в свою очередь, приводит к ряду симптомов, похожих на болезни сердца. Когда люди боятся, из-за стимуляции нервов

наблюдаются телесные проявления в виде ускоренного сердцебиения. Мы также видим иллюстрации этого явления во многих фильмах, где фоновый звук сердцебиения используется для метафоры страха субъекта.

Российские ученые В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресян предложили концепцию «телесной метафоры состояния души» [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993: 27–35]. Их статья стала основополагающей для русской теории эмоциональных метафор. Исследователи считали, что переживание субъектом эмоций в основном взаимосвязано с метафорическим языком. Описательные, метафорические выражения с элементом страха отражают русское своеобразие переживаемых эмоций и психических состояний. В зависимости от того, можно ли непосредственно наблюдать реакцию на страх, ученые различают два типа: первый — это метафорическое выражение реакции субъекта, когда он боится, которую можно непосредственно наблюдать, например: *белеть/бледнеть от страха, дрожать/трястись от страха, зубы стучат от страха, язык заплетается от страха, голос дрожит от страха*. Второй тип — это метафорическое выражение страха, концептуализированное говорящим, а не непосредственно наблюдаемая человеческая реакция, например: *страх леденит кровь кому-л., кровь стынет/леденеет*. Авторы пришли к выводу, что реакция организма на страх очень похожа на его реакцию на холод: пояснение «от страха» в приведенных выше фразах-примерах можно заменить на «от холода».

4.2. Эмоциональная метафора, основанная на «пространственном опыте»

Самым ранними пространственными представлениями, включенными в человеческий опыт, были местоположение, направление, смещение и т. д. Многие ученые обсуждали это обстоятельство, утверждая, что пространство играет решающую роль в формировании человеческих представлений, а «пространственный опыт» неправомерно называть «опытом». Ван Инь отмечает, что «именно Bühler и Lyons указали, что местоположение играет фундаментальную роль в формировании человеческих концепций» [Wang Yin 2022: 69]. В середине 1960-х гг. когнитивная лингвистика выдвинула новые подходы к трактовке понятия «пространственный опыт». Рэй Якендофф [Jackendoff 1983: 188, 209] предложил гипотезу субъектных отношений, основанную на этой концепции, утверждая, что «в семантической области событий и состояний события, со-

стояния, пути, местоположения и функции — это подмножества, используемые для анализа пространства и движения» [Wang Yin 2022: 69]. Короче говоря, все события и состояния в концептуальной структуре представляют собой сети, построенные на основе восприятия пространства. И почти все типы семантических полей имеют пространственно-сетевую организацию. В общем, «пространственный опыт» — это одна из принципиальных сфер опыта. Кроме того, в когнитивных концепциях людей «страх» является негативным понятием, требующим помощи какой-то силы для его устранения или решения. Это заставляет людей естественным образом интегрировать пространство и ориентацию при восприятии, переживании этой эмоции. Такое происходит за счет смещения и других факторов, в итоге формирующих метафорическую модель, основанную на принципе «пространственного опыта».

Примером может служить метафора контейнера. Метафора контейнера относится к «рассмотрению онтологии (вещей, земли, видения, событий, действий, деятельности, состояний, настроений и других объектов, которые не подходят для контейнера) как контейнера, так что у него выделяются границы, его объем можно количественно измерить, в него можно входить и выходить» [Wang Yin 2006: 410]. Категория метафоры контейнера применительно к эмоциям позволяет рассматривать человеческое тело как контейнер, иными словами, носитель эмоциональных состояний, а эмоцию «Страх» можно рассматривать как газ или жидкость в контейнере. Сравните:

(3) *Все тихо — страх его объемлет, / По нем текут и жар и холод.*

Это наиболее типичная эмоциональная метафора контейнера. Жидкость в контейнере будет разливаться и заполнять все пространство. Эта картина похожа на предположение (3). Субъект думает, что страх окружает его повсюду, становится вездесущим, всепроникающим и даже проникает в каждую его часть. Это также согласуется с закрепленным в языке телесным опытом.

Существуют также метафоры представления эмоций: «Счастье — вверх, печаль — вниз» [Лакофф, Джонсон 1980: 12]. «Физическая основа метафоры состоит в том, что сутулая поза часто ассоциируется с грустью и депрессией, тогда как прямая поза указывает на положительное эмоциональное состояние» [Лакофф, Джонсон 1980: 12].

(4) *Победа над смертью, над страхом смерти заключается в том, чтобы жить*

глубже, жить вечностью и другими, приобщаться к этой полноте жизни.

(5) *Я прошел всю войну с этим чувством летающего ужаса.*

В предложениях (4) и (5) описывается состояние «под страхом», поскольку существительное или глагол в предложении содержат значение «поражение» или «парение», также обозначается перемещение на что-либо и вербализована эмоция «страх». Здесь использована особенность восприятия отрицательных эмоций человеческим мышлением. Когда люди боятся, они могут чувствовать, что находятся или падают в пропасти. Таким образом, формируется ментальная эмоциональная метафора направления, которая также соответствует с точки зрения распознавания языковых знаков этапам усвоения опыта.

4.3. Эмоциональная метафора, основанная на «режиме взаимодействия»

После того, как люди понимают, «что познать», им нужно решить, «что познать в первую очередь» и «как познать». Последний аспект раскрывает категория «способ (режим) взаимодействия», которая в лингвистике воплощенного познания определяет, как субъекты и объекты взаимодействуют друг с другом. Введение этого понятия подчеркивает «человеческий» фактор и выдвигает на первый план субъективную инициативу людей в процессе познания мира. Это позволяет с четко материалистических позиций объяснить, почему «мир не может быть един», почему существуют когнитивные различия и различия в мышлении между людьми. В общем случае из-за разных «методов взаимодействия» у разных людей концептуальная структура также будет разной, и тогда генерируемые прототипы, категории, интенциональные схемы, когнитивные модели и проч. будут разными, равно как языковое выражение.

Онтологические метафоры «используются для различных целей, и разнообразные метафоры отражают их разнообразные цели» [Лакофф, Джонсон 1980: 24]. Использование языка таким образом помогает нам обрабатывать, осознавать и решать задачи рационально, основываясь на опыте, а процесс обработки и решения в мозгу — это способ нашего взаимодействия с миром. Сравните:

(6) *Я понимала, что в этот момент где-то между ключицами у него kloкотал страх выйти на сцену и сыграть не так и что он не хочет себе этого позволять.*

В этом предложении «клокотал страх» выражает эмоции, вызванные «страхом». Буквальное значение слова «клокотать» —

«кипеть, шуметь», это звукоподражательное слово, используемое для обозначения того, что жидкость кипит или брызжет. Такое же обозначение имеют нетипичные звуки в горле или груди, что связывается со значением «фонтанирование, взрыв или сильный приступ эмоций». «Страх» в этом предложении изображается как текущая жидкость, которая может откуда-то хлынуть и даже «перетечь» на сцену, из-за чего артист не может контролировать распространение страха и, следовательно, боится ходить по сцене.

(7) *Т. Канли из Стэнфордского университета с помощью ФЯМР определил, что страх «зажигает» миндалины в обоих полушариях, а выражение счастья на лице — лишь в левом.*

Предложение (7) взято из исследовательской статьи, в которой рассказывается о воздействии внешних раздражителей на миндалины и о том, какие затем выражения возникают на лице. Левые миндалины придают лицу счастливое выражение, в то время как правые — сердитое и угрожающее выражение. «Страх» в этом предложении описывается как легковоспламеняющееся вещество, которое связано с глаголом «бояться», так что «страх» может активировать миндалины, привести их в действие, а затем управлять выражением лица, которое в конечном итоге приводит к эмоциональным изменениям.

5. ВЫВОДЫ

В этой статье подробно обсуждается формирование, исследование и развитие новой научной области — лингвистики воплощенного познания в китайском лингвистическом сообществе, рассматриваются теоретические основы лингвистики воплощенного познания и когнитивная природа психологической лексики и метафор. Представленное в статье исследование позволило сделать следующие основные выводы. Во-первых, по сравнению с классической когнитивной лингвистикой, концепция языкового познания имеет более сложную структуру и содержание. Органическая интеграция этой области с когнитивной лингвистикой помогает выявить причины возникновения эмоциональных метафор и их когнитивное обоснование, что продемонстрировано на примере метафоры эмоции «страх». Во-вторых, представляется важным изучить психологическую лексику и метафоры во всей полноте, проследить на фоне других лингвокультур лингвокультурную картину мира русского народа, ведь это поможет изучающим русский как иностранный язык эффективно понимать язык и точно выразить на нем свои

эмоции. В-третьих, существуют и другие аспекты изучения лингвистики воплощенного познания. Исследование, представленное в этой статье, нельзя назвать всеобъемлющим. Надеюсь, в будущем представится возможность для дальнейшего осуществления подобных исследований, в частности на материале русского и китайского языков в сравнительно-сопоставительном аспекте, для содействия развитию лингвистики воплощенного познания и междисциплинарных исследований.

ИСТОЧНИКИ

1. Мельчук, И. А. Толково-комбинаторный словарь русского языка / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. — Москва : Глобал Ком, 2016. — Текст : непосредственный.
2. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/>. — Текст : электронный.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : АСТ : Мир и Образование, 2015. — Текст : непосредственный.
4. Institute of Dictionary, Research Center for Russian Language, Literature and Culture, Heilongjiang University. Detailed Dictionary of Russian and Chinese in the New Era. — Revised Edition. — Beijing : Beijing Commercial Press, 2002. — Text : unmediated. (In Chinese)
5. Dictionary Editing Room, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. Modern Chinese Dictionary. — 7-th Edition. — Beijing : Commercial Press, 2014. — Text : unmediated. — (In Chinese)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1993 — № 3. — С. 27–36.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 296–297.
3. Галустова, О. В. Психологическое консультирование : конспект лекций / О. В. Галустова. — Москва : Приор-издат, 2006. — 240 с. — Текст : непосредственный.
4. Можейкина, Л. Б. Природа эмоциональной метафоры / Л. Б. Можейкина. — Текст : непосредственный // Человек в эпоху перемен. Вызовы настоящего, построение будущего : материалы IV съезда психотерапевтов, психиатров, психологов и консультантов Сибирского федерального округа. — Новосибирск : Общероссийская психотерапевтическая лига, 2015. — С. 139–146.
5. Токарева, А. Л. Авторские и языковые метафоры негативных эмоций в современной итальянской художественной прозе : дис. ... канд. филол. наук / Токарева Александра Леонидовна. — Москва, 2020. — 211 с. — Текст : непосредственный.
6. Уилсон, М. Шесть взглядов на воплощенное познание / Маргарет Уилсон. — Текст : непосредственный // Горизонты когнитивной психологии / Российский государственный гуманитарный университет. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — С. 19–28.
7. Barsalou, L. W. Grounded cognition / L. W. Barsalou. — Text : unmediated // Annual Review of Psychology. — 2008. — P. 617–645.
8. Jackendoff, R. Semantics and cognition / Ray Jackendoff. — 1983. — 283 p.
9. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / George Lakoff. — Chicago ; London : University Of Chicago Press, 1990. — Text : unmediated.
10. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago ; London : The university of Chicago press, 1980.

11. Kövecses, Z. Metaphors of anger, pride, and love: A lexical approach to the structure of concepts / Z. Kövecses. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1986. — Text : unmediated.
12. Kövecses, Z. Metaphor and emotion: Language, culture and body in human feeling / Z. Kövecses. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — Text : unmediated.
13. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. — New York : Basic book, 1999. — Text : unmediated.
14. Niedenthal, P. M. C. Embodiment in attitudes, social perception, and emotion / P. M. Niedenthal, L. W. Barsalou, P. Winkielman, S. Krauth-Gruber, F. Ric. — Text : unmediated // Personality and Social Psychology Review. — 2005. — № 9. — P. 184–211.
15. Sweetser, E. From etymology to metaphorical and cultural aspects of semantic structure / E. Sweetser. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — XI, 174 p. — Text : unmediated.
16. Taylor, J. Cognitive Grammar / J. Taylor. — Oxford University Press, 2002. — 407 p. — Text : unmediated.
17. Meng, Zhaolan. Emotional psychology / Meng Zhaolan. — Beijing : Peking University Press, 2015. — Text : unmediated. — (In Chinese).
18. Wang, Yin. From Experiential Philosophy to Cognitive Philosophy — A discussion on the inheritance and development of Embodied-Cognitive Linguistics to Cognitive Linguistics / Wang Yin. — Text : unmediated // Philosophical exploration. — 2022. — № 3. — (In Chinese).
19. Wang, Yin. Embodied-Cognitive Linguistics — A Localized Study of Cognitive Linguistics / Wang Yin. — Beijing : Commercial Press, 2022. — Text : unmediated. — (In Chinese).
20. Wang, Yin. Cognitive linguistics / Wang Yin. — Beijing : Commercial Press, 2006. — Text : unmediated. — (In Chinese).

MATERIALS

1. Mel'chuk, I.A., & Zholkovskiy, A.K. (2016). *Tolkovo-kombinatornyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory and combinatorial dictionary of the Russian language]. Moscow: Global Kom. (In Russ.)
2. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language] (n.d.). Retrieved from <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.)
3. Ozhegov, S.I. (2015). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: AST, Mir i Obrazovanie. (In Russ.)
4. Institute of Dictionary, Research Center for Russian Language, Literature and Culture, Heilongjiang University (2002). *Detailed Dictionary of Russian and Chinese in the New Era* (Revised Edition). Beijing: Beijing Commercial Press. (In Chinese)
5. Dictionary Editing Room, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences (2014). *Modern Chinese Dictionary* (7-th Edition). Beijing: Commercial Press. (In Chinese)

REFERENCES

1. Апресян, В.Ю., & Апресян, Ю.Д. (1993). Метафора в семантическом представлении эмоций [Metaphor in the semantic representation of emotions]. *Voprosy yazykoznanija*, 3, 27–36. (In Russ.)
2. Arutyunova, N.D. (1990). Метафора [Metaphor]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (pp. 296–297). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
3. Galustova, O.V. (2006). *Psikhologicheskoe konsul'tirovaniye : konspekt lektsiy*. Moscow: Prior-izdat, 240 p. (In Russ.)
4. Mozheykina, L.B. (2015). Priroda emotsional'noy metafory [The nature of emotional metaphor]. In *Chelovek v epokhu pere-men. Vyzovy nastoyashchego, postroyeniye budushchego* (Materials of the IV Congress of psychotherapists, psychiatrists, psychologists and consultants of the Siberian Federal District, pp. 139–146).
5. Tokareva, A.L. (2020). *Avtorskie i yazykovye metafory negativnykh emotsiy v sovremennoy ital'yanskoy khudozhestvennoy proze* [Author's and linguistic metaphors of negative emotions in modern Italian fiction] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 211 p. (In Russ.)
6. Wilson, M. (2012). Shest' vzglyadov na voploshchennoye poznanie [Six perspectives on embodied cognition]. In Russian State University for the Humanities, *Gorizonty kognitivnoy psikhologii* (pp. 19–28). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)

7. Barsalou, L.W. (2008). Grounded cognition. *Annual Review of Psychology*, 617–645.
8. Jackendoff, R. (1983). *Semantics and cognition*. 283 p.
9. Lakoff, G. (1999). *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, London: University Of Chicago Press.
10. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago, London: The university of Chicago press.
11. Kövecses, Z. (1986). *Metaphors of anger, pride, and love: A lexical approach to the structure of concepts*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.
12. Kövecses, Z. (2000). *Metaphor and emotion: Language, culture and body in human feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Lakoff, G., & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic book.
14. Niedenthal, P.M., Barsalou, L.W., Winkielman, P., Krauth-Gruber, S., & Ric, F. (2005). Embodiment in attitudes, social perception, and emotion. *Personality and Social Psychology Review*, 9, 184–211.
15. Sweetser, E. (1990). *From etymology to-metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press, XI, 174 p.
16. Taylor, J. (2002). *Cognitive Grammar*. Oxford University Press, 407 p.
17. Meng, Zhaolan (2015). *Emotional psychology*. Beijing: Peking University Press. (In Chinese)
18. Wang, Yin (2022). From Experiential Philosophy to Cognitive Philosophy — A discussion on the inheritance and development of Embodied-Cognitive Linguistics to Cognitive Linguistics. *Philosophical exploration*, 3. (In Chinese)
19. Wang, Yin (2022). *Embodied-Cognitive Linguistics — A Localized Study of Cognitive Linguistics*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)
20. Wang, Yin (2006). *Cognitive linguistics*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)